

— В Калининграде меня ждали письма о. Ианнуария от 21 и 22 мая, в которых он меня лихо разделал, и поделом! Стыдно теперь даже просто перечитывать ту белиберду, которую о. Ианнуарий переписал из моего письма. Это даже не легкомыслие, а просто пустословие.

Ленинград, 21 мая 1979 г.

Дорогой Сашок!

— Вчера получил от тебя письмо, и первое чувство, которое у меня возникло по его прочтении, было разочарование. В самом деле, - начали за здравие ... и кончили тоже за здравие. Скакали, скакали вокруг печки, и к печке прискакали. Но после, вчитавшись, я убедился, что письмо твоё в общем ходе нашей переписки не случайно, т.к. даёт мне в руки тот узел, который я долго пытался ощупью определить, и который, конечно, обнаружился бы рано или поздно, если бы переписка не осложнялась перерывами и вынужденными посторонними экскурсами.

— Вот и теперь, прошла уже не одна неделя, как я написал последнее письмо, обещал продолжение, начал его писать (даже не прерывая нумерацию страниц), но обстоятельства помешали мне, и я остановился. Всё же незаконченное продолжение я тебе высылаю: не пропадать же ему, тем более, что там есть пара строк, касающихся новой, поднятой твоим письмом темы.

— Вынужденные же перерывы объясняются довольно большой занятостью. Не помню, писал ли я тебе, что в Светлую Пасхальную ночь я был рукоположен в иереи. Сразу после этого я заболел, тогда-то у меня и высвободилось время для писанины. Но после, когда поправился, как раз кончились пасхальные каникулы. Мне надо было проходить священническую практику. А тут ещё сессия, да ещё меня назначили пом. инспектора, и пришлось сутками дежурить в Академии.

Твоё письмо, анализом которого я займусь может быть сегодня или завтра вечером, пришло вчера, в день, когда Церковь вспоминала беседу Иисуса с самарянкой у колодца. Это Ин.4 гл. Ты, конечно, помнишь это место. По иудейским законам с самарянами (как нечистыми) нельзя было общаться. Не боясь, по своему обыкновению, оскорбить религиозные чувства своих соплеменников, Иисус не только заговорил с самарянской женщиной (двойная скверна), но и попросил напиться из её рук (тройная скверна).

"Женщина Самарянская говорит Ему: как ты, будучи Иудей, просишь пить у меня, Самарянки? ибо Иудеи с Самарянами не сообщаются. Иисус сказал ей в ответ: если бы ты знала дар Божий и Кто говорит тебе: "дай Мне пить", то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую."

Бедная баба не понимает иносказания. "Вода живая" в устах Иисуса - "вода жизни", "животворящая вода". С Его точки зрения, значит, самарянка не то мертва, не то полужива. Но она сейчас не способна к такому высокому духовному самоанализу и не может подобно Августину воскликнуть: "Что это? не то мертвенная жизнь, не то жизненная смерть?"

Она слышит обычное еврейское выражение "живая вода", т.е. "ключевая вода" в отличие от застойной воды данного колодца.

"Женщина говорит Ему: господин! тебе и почерпнуть нечем, а колодезь глубок: откуда же у тебя вода живая? Неужели ты больше отца нашего Иакова, который дал нам этот колодец, и сам пил из него, и дети его, и скот его?"

В простоте деревенщины она подумала: уж не новый ли это Моисей, способный

известии ударом жезла ключ "живой воды" из скалы?

— "Иисус сказал ей в ответ: всякий, пьющий воду сию, возрадет опять; а кто будет пить воду, которую я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую я дам ему, сделается в нём источником воды, текущей в жизнь вечную".

— Через несколько стихов в этой же главе рассказывается ещё о некоей странной пище, которая, как и пресловутая "живая вода" обладает удивительными свойствами. А последующие главы полны таких изречений, которые вряд ли поддаются элементарному физическому или моральному истолкованию.

— В своё время ты мне писал, что ты любишь эту книгу, и только подобен ленивому ученику, со всем соглашающемуся, но по лениности не делающему.

— Честно, говоря, мне было бы любопытно узнать, как и в чём ты соглашаешься, когда речь идёт о предметах, подобных изложенному. Или взять то же евангелие от Иоанна, главы 12, 13, 14, 15, 16 ...

— Верно ли, что они тебе так нравятся, что ты можешь считать это чтение прекрасным и полезным для себя? Верно ли, что ты во всём согласен с тем, что там написано?

— Это, конечно, чисто риторические вопросы, и ни в коем случае не хочу подвергать тебя опросу.

— За себя же я отвечу, что всё, что там написано, для меня действительно сладчайшее чтение, отзывающееся в моём уме и чувствах самым живым и действенным образом. И я тоже ленив, и далеко не всегда иду навстречу этим словам, но всё же не настолько ленив, чтобы совсем уж пренебрегать ими.

— Ну, да это лишнее. Сегодня - завтра я обращусь к твоему письму.

— Целую, Ианнуарий.

Далее идёт продолжение письма от 2 мая 1979 г.:

— Здесь возникает ряд трудных вопросов (трудных опять же и снова и снова только для внешнего изъяснения, для логического расчленения, а не для живого опыта, где они не только не трудны, но даже не вопросы).

— Самое первое, что мне бросается в глаза: как соотносятся подчёркнутые мною "я могу" с моей личной свободой, как мы её, наконец, поняли? Выходит так: я имею свободу выбора быть свободным (по-настоящему) или не быть. Это можно выразить иначе: я имею свободу выбирать между верой в Бога и неверием. Но ведь свобода выбора имеет смысл тогда, когда человек ясно сознаёт, что он выбирает. А если такого сознания нет, как его нет у множества людей вокруг нас? Значит, у них нет и выбора? (то, что в школьном богословии называется "невменяемым состоянием непреодолимого неведения истины").

— В рамках обозначенной модели соотношения Бог - человек я не имею права отвечать на этот вопрос: эти рамки очень узкие и сама модель - слишком упрощённая схема. Ведь мы не касались ещё вопросов "зла", "грехопадения", ... Пока же, во-первых, я хочу ограничить это число людей, совершенно "неведающих истину". До не столь давнего времени таких людей вообще было очень мало, если вообще такие люди были. Конечно, степень ведения истины зависела и от исповедуемой религии и от личных способностей, но абсолютного неведения не было. Отрицание личного начала в бытии произошло совсем-совсем недавно. Это отрицание охватило некоторую часть экумены. Но и здесь, в среде безбожных внушений и воспитания рискованно говорить о полной невменяемости состояния безбожия.

— Все люди что-то как-то и где-то узнают о Боге и о связанном с этим знанием комплексе нравственных и личных обязанностей. Все читают книги: Достоевского, Толстого, Лескова. Все слушают музыку и посещают музей. Что до безграмотных и тех, кто оказался неспособным ощутить в произведениях искусства что-то большее, нежели светскую фабулу, то ведь повсюду в школах проходят физические законы равенства

действия противодействию... Ведь невольно они должны подготавливать мысль к тому, что на свете нет ничего абсолютно случайного, беспричинного, беспоследственного. Почему же человек с его действиями должен быть исключением? Пусть даже кто-то не учился в школе, и мысль его не будет искать абстракций, но ведь элементарное нравственное чувство есть у каждого. "Категорический императив" неотъемлем от человека. Кого не повергнет в смущение или даже в смятение мысль, что любовь, благородство и злодейство и душегубство "природою" расцениваются тождественным образом? И то и другое (в отличие от "справедливости" в мире механики) ожидает одинаковое гниение в земле? Нет, что-то здесь не то, и никакие философские уговоры тут не помогут. В природе такой бессмыслицы не бывает - такова интуиция.

— А исторический опыт крушения гуманизма? Неужели он, подтверждаемый чуть ли не каждое десятилетие, никому ничего не говорит?

— Смутная философская белиберда под названием "гуманизм" овладела умами некоторых людей в XVIII веке, а вслед за тем ринулась в массы. Противоречивость гуманизма чудовищна, ни логикой, ни элементарным смыслом в нём не пахнет. Признавая один только "этот" мир и себя самого - всецело его частью и членом, гуманист вместе с тем уверовал во всемогущество (и, конечно, всеблагость) себя самого, в свою способность и своё призвание и покорить себе, и усовершенствовать, и одухотворить мир, которого он сам есть производная часть. Чудовищно?

— Да, конечно. Но это не смущает. И отсюда - слепая и смешная оптимистическая вера в непрерывность умственного и нравственного "прогресса", в возможность осуществить царство разума, правды и добра - то, что верующий называл "царством Божиим" - на земле. Даже дарвинизм, признавший самого человека потомком обезьяны, происшедшим из неё в итоге слепой стихийной эволюции (?!), не только не пошатнул этой веры, но был использован как её подтверждение. Вл. Соловьёв свёл бессмыслие гуманизма в одну убийственную сатирическую формулу: "человек есть обезьяна и потому призван осуществить царство добра на земле".

— Упорство этой слепой веры так велико, что доселе она оправляется от роковых ударов, которые ей наносит действительность. Первый такой удар ей был нанесён французской революцией, когда царство свободы, равенства и братства быстро превратилось в царство разъярённой кровожадной черни. Дальше - хуже. Просвещённый человек обнаруживал не только свою неукрощённую обезьянью природу, но и нечто необезьянье - садизм и отвержение самых элементарных начал нравственности. Где же гуманизм? Конечно, со временем он обречён на разложение, ибо подтачивается роковым внутренним противоречием: вера в самодержавную власть человека, как высшего, самовластного хозяина своей жизни противоречиво сочетается с верой в служение неким абсолютным, независимым от самочинной человеческой воли, нравственным ценностям. Эта "догма" - основа гуманизма. Но она же - и его конец.

— Всё вышеизложенное даёт мне право сомневаться в "невменяемости неведения". И во множестве случаев я вижу не непреодолимое неведение истины, а упорное сопротивление историческим фактам, логике и действительности.

— (Сила подсознательного сопротивления вере в Бога бывает очень сильна. Лет 6-7 назад одна наша общая знакомая с кафедры в сердцах говорила мне: "Да ты представляешь себе, что это значит, если есть Бог? Да ведь это же подумать только! Ведь тогда мне надо всю свою жизнь переделать! Нет, нет и нет!"

— Что такое "нет", узнать мне так и не удалось: нет Бога, или жить иначе она считает невозможным? С того момента она избегала разговоров, да и встреч со мной.

— Это не единственный, но чрезвычайно распространённый "мотив" отрицания. Люди в нём не признаются, т.к. такое признание считается стыдным. Если только сгоряча, как эта особа.

— "Если Бога нет, то моя жизнь в значительной мере бесконтрольна. Например, можно не сдерживать свои фантазии и не очень чистоплотные мысли: они ведь всё равно никому

не видны. Во внешнем поведении приходится поневоле считаться с общественным мнением, но тайными, мало кому видными грешками можно заниматься".)

— Но даже возможный факт неведения истины (а вместе с тем и невозможности выбора) верующего смутить не может по двум причинам.

— 1) Осуществление божьего дела не есть единократный акт всеобщей трансформации. Оно, выявляя себя в пространстве-времени, есть история, в частности - Священная история, и как таковая - эволюция, подобная истории в геологии или биологии. Апостолов было 12, после - 70. Посылая их в мир, Спаситель не говорил - "идите и смейтесь над теми, кто не знает истины", а "идите и проповедуйте всей твари".

— 2) Обвиняя язычников (пусть это будут гуманисты) в "неведении истины", апостол Павел пишет "что можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им. Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество от создания мира через рассматривание творения видимы, так что они безответны" (т.е. не невменяемы). (Рим. 1,19-20).

— Но через несколько строчек, уже в другом контексте: "когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон; они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чём свидетельствует совесть и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую". (Рим.2,14-15).

— Ленинград, 22 мая 1979 г.

Это письмо о. Ианнуарий предваряет следующим отрывком из моего письма от 15 мая:

— "Поведение трёхлетнего ребёнка, пожалуй, наилучшая иллюстрация этого понятия (свободы), но мыслима ли такая свобода для взрослого? Ребёнок живёт в гармонии с окружающим миром постольку, поскольку окружающий мир, семья, в первую очередь, заботится об этой гармонии. Наше стремление к такой же свободе, к благу, к спасению - это, как мне кажется, естественное желание жить в мире с миром. Мир в душе моей, мир в доме моём, мир в мире моём - что ещё можно желать?"

— Но как этого достигнуть? Познайте Истину - говорит Некто. Но вот Он знал, а тем не менее страдал и потяжелее многих. Видать от страданий никуда не денешься и остаётся стремиться свести их к минимуму. Но все ведь только этим и занимаются, а толку что? Толку нет потому, что сводят к минимуму свои страдания, а надо бы чужие. Если бы люди относились друг к другу как к своим детям, то и свободны и счастливы были бы как дети - не в этом ли Истина?

— Смысл, цель жизни всех и каждого - в избавлении от страданий всех и каждого, а любовь к ближнему - средство для достижения этой цели. Любовь же к Богу есть, в сущности, любовь к жизни, это не средство, это необходимое условие, но не достаточное ещё."

Дорогой Сашок!

Вот кое-какие размышления по поводу твоего письма, существенную часть которого я тебе переписал на отдельном листке для памяти.

Пусть это останется моим произвольным предположением, но мне кажется, что ты некогда был зачарован идеями Толстого, или позднего Лескова или вообще христианско-социалистическими идеями любого изложения. Их внешняя простота и гуманная привлекательность замечательны. Однако, на мой взгляд, к их простоте применима та самая поговорка, которая утверждает, что "иная простота хуже воровства".

Хотя каждая отдельная фраза твоего письма вроде бы и хороша сама по себе, но всё вместе составляет для меня целое, столь неприемлемое по духу, что я даже не знаю, с чего

начать атаку. Как, бывает, кошка, изнывающая от алчбы, тыкается носом то в один, то в другой конец горячей пищи, положенной перед ней, и не рискует ухватить.

— Однако, с чего-то надо начинать. Начну с первой фразы. Разумеется, свобода взрослого - не свобода ребёнка именно потому, что взрослый - не ребёнок, и не почему другому. "Иллюстрация" с ребёнком - не лучшая. Как я писал, мне она в голову пришла как аналогия, и требования к ней надо применять именно как к аналогии. Более адекватной иллюстрацией я полагаю (и об этом писал) какой-нибудь общеизвестный образ блаженного (т.е. счастливого) или святого человека. Человека, замечу, взрослого. Вообще говоря, опыт блаженно-свободной жизни - опыт не диковинный, а повсеместный, хотя и не универсальный. Это опыт жизни в Церкви Христовой. И прежде чем делать вывод о недостижимости свободы для взрослого человека, надо бы прислушаться к голосам, положительно утверждающим обратное.

— О реальности жизни иной, нежели обычная эмпирическая мирская жизнь в отчуждении, думаю, много и распространяться не надо. Чисто логически этот вопрос ясен, как H₂O. Если бы как-то благая жизнь не была дана человеку, то, естественно, даже понятия о ней он не имел бы в своём сознании. Порождение этого, злого мира, в котором царствует страдание и смерть (а за нею в эмпирии всегда остаётся именно царственное, последнее и решающее слово), человек, если бы не был никак причастен к жизни иной, не мог бы сознавать и судить зло вообще и смерть в частности. Это как рыба, живущая на дне морском, не обладая опытом иной (воздушной) среды, не могла бы сознавать относительность своей водной стихии. Тут всё просто. Но реальность - ещё не означает действительности.

— И тут честная методология с необходимостью должна обратить внимание на опыт свидетелей действительности благой жизни (свободы во Христе, Царства Небесного и как ещё там это называют).

— В самом деле: нельзя же безнаказанно, скажем, изучать анатомию, но вместо учебника по анатомии читать журнал "Крокодил", а вместо анатомического театра ходить в Театр драмы и комедии.

— Можно, конечно, а priori, заранее отрицать ценность опыта знатоков. Например, считать автора учебника по анатомии невеждой в этой области, а анатомический театр - скоплением гипноза и лицедейства.

— И против такой позиции, собственно, возразить будет уже нечего. Но ведь это именно предубеждение, а не метод познания.

— Небольшое отступление. Знаешь, какой вопрос в миру мне приходилось в последние годы слышать чаще всего? И не только мне, но любому верующему человеку? Такой вопрос: "Скажите, а вы правда веруете?" Иногда в другой форме: "Скажите честно, а правда, что все священники верующие?" или "Простите за нескромность, но неужели у вас (имеется в виду Семинария) все веруют?"

— Это не один, два раза, а каждый день по много раз. Ты чувствуешь весь ужас ситуации? Спрашивающие не верят не только в Бога (это понятно, т.к. они были лишены духовного воспитания), но они не верят людям. Первая мысль, которая им приходит в голову во встрече с тобой, - это подозрительное и недоверчивое "а может быть он лжец?" Причём практическая и логическая бессмыслица вопроса очевидна: ну узнаешь ты, что все в Семинарии веруют, или не все веруют, - тебе-то это ничего не даст, сам ты от этого не станешь верующим и в бытии Бога не убедишься. Здесь чистое, импульсивное выражение вражды и подозрительности (ведь никто из вопрошавших не знает, что он сегодня уже десятый, задающий тот же вопрос).

— Для человека, имеющего действительный (а не на словах) опыт веры и свободы такое поведение невозможно. У атеиста христианин никогда не спросит: "Вы правда неверующий?" У буддиста христианин никогда не спросит: "Вы в самом деле верите в существование тысяч небесных и подземных богов?"

—И Спаситель говорил: "Не всякому духу (в том числе и человеческому) верьте, но испытывайте, от Бога ли он". Но - это не призыв к недоверию, а призыв именно к испытанию, к исследованию. А какое же может быть исследование при предубеждении и недоверии а priori? Безбожие же порождает именно недоверие. Это факт.

—Оглядываясь на свой скромный опыт общения с Церковью, я вспоминаю, что первым импульсом к нему было завистливое любопытство. Побывав в красивом Псковском монастыре в Пасхальные дни, я окунулся в атмосферу недоступной мне острой и в то же время нежной радости и неведомой мне до тех пор праздничности (не сравнимой ни с какими обычными, известными мне праздниками). Пожив три дня среди этих простых, искренне счастливых людей, я не имел никакой причины недоверчиво относиться к правдивости этих людей именно потому, что у них не было никакой причины разыгрывать передо мной комедию, лгать и притворяться, что они радостны и блаженны.

—Вера-доверие к этим людям и их опыту побудила меня к собственному испытанию - нелёгкому и нескорому. Испытание же привело к вере-уверенности, т.е. к тому, что собственно называется верою. Да это ведь и обычный, нормальный путь всякого исследования.

Однако, пойдём дальше. Следующее твоё предложение, полагающее основание для дальнейших рассуждений, указывает на внешнюю причину целомудренного поведения ребёнка: внешний мир (семья) заботится о ребёнке, поэтому ребёнок блажен, чист, простодушен, доверчив, - одним словом свободен в том смысле, который мы уже обсудили.

(Мы, конечно, говорим об идеальном ребёнке, а не о том, который бледнеет от гнева, когда видит красивую игрушку в обладании своего товарища.)

Так вот мне кажется, что в этом твоём предложении есть произвол, достаточный, чтобы сделать это предложение шатким и ложным основанием для последующих рассуждений.

Не вдаваясь в подробности - пусть это делают педопсихологи - мне достаточно указать на общеизвестный факт, что свойство детского целомудрия часто (если не всегда) не зависит от действия окружающей среды. И в любвеобильной теплице вырастают монстры, и среди "детей подземелья" бывают цветы и перлы. Разве тебя не удивлял факт, что среди брошенных, обездоленных, непригретых детей мы наблюдаем ту же грацию, что и среди детей тепличных?

—Так что, когда я приводил аналогию с ребёнком, я отдавал себе отчёт, что интересующее нас свойство определяется не извне, а изнутри самой детской природы.

—А теперь, если от аналогии обратиться к взрослой действительности, мы увидим то же самое. Вот одно из многих тысяч свидетельств, настоящая "песнь блаженства" (кстати, многократно перелагавшаяся на музыку многими композиторами), кусочек из послания апостола Павла к Римлянам (Рим.8, 35-39).

"Кто отлучит нас от любви Божией:
скорбь, или теснота, или гонение,
или голод, или нагота, или опасность, или меч?..
Но всё сие преодолеваем силою Возлюбившего нас.
Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь,
ни ангелы, ни начала, ни силы,
ни настоящее, ни грядущее,

_____ ни высота, ни глубина,
_____ ни другая какая тварь
_____ не может отлучить нас от любви Божией
_____ во Христе Иисусе."

— Это первое, что мне пришло в голову. Но пример, как мне кажется, удачный. При всей поэтической непосредственности, здесь едва ли не философски проводится последовательное отрицание внешних определений для чувства счастья. "Среда", эмпирическая действительность не определяет его. Ни злая действительность (скорбь, голод, смерть и т.д.), ни добрая действительность (жизнь, ангелы, архангелы, т.е. начала и силы, и т.д.). Ибо свобода всегда ускользает от внешней определённости, она всегда есть нечто принципиально иное. И с этим следует считаться: ведь это - изложение внутреннего опыта, а не фантастическая байка.

— Далее ты говоришь о естественном желании жить в мире с миром (міромь). Что ещё можно желать?

— Кому как... Мир - доброе дело, но и война бывает не хуже. Думаю, не так уж много найдётся людей (хотя всё же непременно найдётся), которые не захотели бы жить в мире с миром, в котором отсутствуют вот эти самые "скорбь, или теснота, или гонение" и т.д.

— Но жить в мире с действительным эмпирическим миром, в котором 600 тысяч гибнет от голода в Ленинграде, а несколько миллионов травимых, гонимых, замордованных, с бирками на посиневших костлявых ногах гибнет в чудовищном унижении в разных Освенцимах, жить в мире с таким миром для взрослого, разумного человека - невозможно. Со злом надо воевать, а не мириться. Причём, если требуется, надо воевать с оружием в руках.

— Конечно, ты имел в виду мир оптимальный. Но ведь это не действительность, а так, только вздох один... Покой и добро следует отстаивать всеми подходящими способами (в этом нет сомнений); если не действуют уговоры, то войной и убийством (скажем, неисправимых злодеев): ведь распорядиться, чтобы все были добрыми и мирными, никто не в состоянии.

— Однако, пофантазируя, представим себе, что какой-то партийный указ, или решение ООН, или всемирный прогресс превратили всех людей из волков в овец, так что и волков не осталось, так ведь даже в этом случае концы с концами не сойдутся.

— Преждевременная болезнь и смерть, а то и своевременная смерть всё равно будет делать из этого овечьего рая бессмыслицу. Поле и дальше будет засеиваться мёртвыми костями. Царство овечьего добра будет призрачным и относительным, а царство торжествующей смерти действительным и абсолютным. И так до какой-нибудь космической катастрофы, которая и вообще прикроет всю эту лавочку.

— Очень милые индивидуальные и универсальные перспективы сулит мне этот Мир, с которым я должен примириться.

— А почему, собственно, должен примириться?

— Не хочу и не буду.

Но почему в Св. Писании так часто встречается слово "мир", что даже были попытки создания "богословия мира"?

— Лука сообщает (2,14), что с Рождеством Спасителя небеса звенели песней, которая и ныне ежедневно звенит во всех храмах:

___ "Слава в вышних Богу, и на земле мир,
___ в человеках благоволение!"

___ (Если более понятно перевести, то это означает, что с приходом на землю Младенца Иисуса прославился вышний (доселе недоступный) Бог, на землю снизошёл мир, а в людях вселилась истинная добрая воля.)

Первое, что сказал Иисус, явившись ученикам после Воскресения, было - "Мир вам". Это "Мир вам" ежедневно звучит во всех храмах на литургии.

___ И, наконец. Он говорил: "Мир Мой даю вам; не так как мир даёт, Я даю вам" (Ин14,27).

___ Всё двоятся. Вот и жизнь с точки зрения Иисуса и его последователей, как это мы увидели в беседе с самарянкой, была жизнью и Жизнью. И свобода может быть Свободой. И мир может быть Миром.

Есть мир ложный, примирение со злом, царящим в мире, мир овец, которых стрижёт смерть и всякого рода зло. А есть Мир, которым дал Христос, истребивший корень зла и смерти.

___ Но как там у Пушкина?

_____ "Смешон глас правды благородный,
_____ Напрасен опыт вековой.
_____ Вы правы, мудрые народы,
_____ К чему свободы вольный клич!
_____ Стадам не нужен дар свободы,
_____ Их должно резать или стричь."

___ Мир даёт мне в конце концов только одно: право и свободу тем или иным образом сгнить в земле вместе со всеми своими предками и потомками. Не хочу.

_____ "Иные, лучшие, мне дороги права;
_____ иная, лучшая, нужна мне свобода."

Однако, продолжим, а то я до Второго пришествия не кончу.

"Как этого достигнуть? Познайте Истину - говорит Некто". И правильно ведь говорит Тот, Кто Сам Себя назвал и был Истиной. Вот и познаем Его теми путями, которые Он же и указал. Это и делают все верующие в Него, и приобретают и Его Мир и Его Свободу.

"Но вот Он знал (истину)", - конечно знал, и говорил об этом, и не только говорил.

"... а тем не менее страдал..." - И это верно. Для того Он и был на земле, об этом не раз говорил, это совершил, это же учит и Церковь. И никому никогда в голову не приходило говорить обратное. Хотя нет, учили и учат обратному в синагогах.

Мессия, Царь Израилев с точки зрения иудеев, распявших Христа, придёт в земной славе и физической силе - в силе и славе Царь. Он избавит Израиль от рабства и отдаст ему в рабство остальные племена земли. Он будет могуч - этот Сын Давидов, страдание ему будет неприлично. "Сойди со креста", - посмеивались мучители, - "сойди, если ты воистину Христос". Они смеялись до упаду, они надели на него корону (терновый венец,

или, как показывают новые исследования, - из жести), они одели Его в багряницу (царский пурпурный плащ, сделанный из простых тряпок), и написали над крестом - Царь Иудейский. С их точки зрения Иисус был, разумеется, самозванцем, - вот они и смеялись. Но ведь смеётся тот, кто смеётся последним.

_____ "Блаженны плачущие, ибо воссмеётесь" (Лк6,21).

_____ Немного неясна логика. Если высшее благо - избавиться от страданий в этом мире, т.е. мире, в котором именно неограниченно царствует страдание и смерть, то это значит уже выйти из этого Мира. Но, находясь в этом мире, мы не можем одновременно не находиться в этом мире. Нет, логики здесь нет никакой.

А вот послушаем, что говорит Сам этот Некто: В Нагорной проповеди (Мф.5): блаженны нищие, блаженны плачущие, блаженны гонимые..., т.е. счастливы именно страдающие. Что это - бред? Или вот: "Кто не берёт креста своего и не следует за Мною, тот не достоин Меня" (Мф10,38).

_____ Всё же стоит прислушаться. Для меня Христос авторитет, конечно, не потому, что Он что-то сказал и чему-то учил, а потому что Он нечто сделал. Хотя и то, что Он сказал, настолько отличается от всего, что говорили до и после Него люди, что я не могу не обратить сугубого внимания на Его речи.

_____ Например:

_____ "Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через меня" (Ин14,6).

"Я есмь дверь: кто войдёт Мною, тот спасётся..." (Ин.10,9).

_____ "Верующий в Сына имеет жизнь вечную; а не верующий в Сына не увидит жизни" (Ин.3,36).

_____ "Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать" (Ин.6,35).

"Я пришёл для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком" (Ин.10,10).

_____ "Приидите ко Мне, все труждающиеся и обременённые, и Я успокою Вас" (Мф.11,28).

_____ и т.д., и т.д.

_____ Бред, мания величия, ложь? Или возвешение истины, очень отличающейся от обычных мирских понятий? А если так, то как же можно подходить к этому с мерками банального, обыденного разума?

_____ Что это за жизнь, к которой Он звал, и к которой обещал проложить путь Своими страданиями и смертью?

_____ Уж во всяком случае, это не жизнь этого мира. Это не мир, не мир, и не свобода. Это - Новый Мир, Христов Мир и Свобода детей Божиих.

Да, в этом мире от страданий никуда не денешься. Это факт. "Остаётся стремиться свести страдания к минимуму". И это верно, только христианин написал бы так: "Остаётся стремиться вместе со Христом свести страдания к нулю", т.е. просто войти в Его Новый Мир, залогом неложной действительности которого явился исторический факт Воскресения, факт существования Церкви Христовой, опыт внутреннего вхождения в Новую Жизнь любого члена Церкви. Vita nuova. Думаю, всякий христианин в свою меру

испытал тот радостный день Пятидесятницы (пусть это будет не день, пусть секунда или несколько лет), когда, как апостолы, он понял тщету и бессмысленность всех собственных, мирских устремлений к Свободе, и когда, как и апостолам, ему открылся Новый Мир, властно вторгаясь в его плоть, ум и сердце. Как это у Данте:

"Но собственных мне было мало крылий;
И тут в мой разум грянул блеск с высот,
Неся свершенья всех его усилий.

Здесь изнемог высокий духа взлёт,
Но страсть и волю мне уже стремилла,
Как если колесу дан ровный ход,

Любовь, что движет солнце и светила."
(Рай,33,139-145).

Да, от страданий и смерти никто не избавлен. Но что эти страдания, что - смерть, если я уже живу в ином Мире, где нет ни страдания, ни смерти? В Мире, о котором сказать, что это Счастье или ещё что-нибудь столь же хорошее - ничего не сказать, ибо этот Мир и есть Сама Истина, "всё и во всём Христос", как писал ап. Павел.

Чтобы войти со Христом в этот мир без остатка, мне надо со Христом выйти из этого мира, т.е. умереть. Но ведь это же - счастье. Во Христе всё счастье: радость - счастье, страдание ведёт к счастью, смерть - избавление и счастье. Помнишь чудесную притчу о пшеничном зерне?

Да и укрепляет меня Христос в моих земных страданиях. Думаю, тебе не надо приводить примеры лёгкости и мужества, с каким христиане встречают любую опасность. Не бояться болезней, насилий, голода, войны, смерти, пыток, - всё это результат великого дара Свободы.

Далее. Обсуждать дальнейшее после предыдущего уже почти бессмысленно. Но всё же посмотрим. Все "сводят к минимуму свои страдания, а надо бы чужие". Речь здесь, надеюсь, не идёт о тех миллионах, которые на поле битвы положили свои жизни за жизнь своих ближних, и не о Христе, который взошёл на крест для того, чтобы свести страдания других не просто к минимуму, а к нулю? Иначе это был бы поклёп и напраслина. Думаю, что в мире люди по-мирски делают для счастья других столько, сколько присуще их природе - не больше, не меньше. И взывать к человеческой стихии, чтобы она стала ещё более жертвенной, - всё равно, что уговаривать ураган не шуметь так сильно.

"Если бы люди относились друг к другу как к своим детям, то и свободны и счастливы были бы как дети - не в этом ли Истина?"

Нет, не в этом. Не говоря уже о том, что это положение базируется на неверной посылке, как это мы выяснили в начале письма (дети суть дети, т.е. свободны и целомудренны, не потому, что о них заботятся); не говоря уже о том, что и в полном погружении с головой и ногами в довольство, предупредительность и заботы окружающих человек может быть несвободен и несчастлив, а может даже отмочить

какую-нибудь столь зловердную штуку, что хоть стой, хоть падай; не говоря уже о том, что и вообще всё это одни благопожелания и томные вздыхания...

— Не говоря уже обо всём этом, отношение, даже самое заботливое, не может быть Истиной просто по определению, именно потому, что Истина - не отношение. (Если речь идёт об относительной истине, то такая истина может быть и в отношении. Но здесь говорится об абсолютной Истине, которая ни в каком отношении быть не может, ибо Истина, если ты помнишь по прошлым письмам, состоит в том, чтобы не относиться.)

— И, наконец, последний пункт. Здесь речь идёт о любви к ближним и к Богу. Очевидно, об евангельской заповеди, ибо до Христа никто не говорил об этом столь принципиально.

— Всё хорошо. Беда только в том, что часто эту заповедь, принимая буквально, истолковывая произвольно, лишают её тем самым какого бы то ни было действенного смысла.

— Ну вот хотя бы о любви к ближнему. Да как это возможно, любить ближнего? Вот рядом со мною какой-то проходимец. Да как я его полюблю? За что? Только потому, что мне говорят - "так надо!"? Дудки! Никто и никогда произвольно любви к себе вызвать не мог и не может.

— (Как писал Аверинцев в последней БСЭ, статья "Любовь": "Любовь возникает как самое свободное и постольку "непредсказуемое" выражение глубин личности; её нельзя принудительно ни вызвать, ни преодолеть".)

Если я люблю своё дитя, жену или друга, то это не потому, что я уговорил себя делать это, а потому что уж "само собой" так получилось. Любовь даётся, даруется, а не произвольно вызывается. Никого и никакими заповедями нельзя заставить полюбить.

— Да и потом откуда это видно, что любовь - какая-то абсолютная панацея от бед? Вот толстовцы говорят, что силою любви, незлобивости, прощения можно победить всякое зло. Христос, мол, указал этот путь. Следуя этой логике, надо полагать, что уж Христос-то Сам сполна обладал этим любвеобильным духом Христовым. Но ведь не победил же Он злобы своих преследователей или предателя Иуды силою своей любви, не просветил их души, не возродил их духовно. Значит, Он не мог или не хотел этого сделать? Но в обоих случаях выходит, что Христос, по-видимому, не был достаточно проникнут евангельским духом Христовым. Толстовцев и иже с ними можно поздравить с таким исходом их "философии". Простота, простота...

— Ну, конечно, - говорят другие, - заставить людей любить друг друга невозможно. А не любят друг друга они из-за своего низкого развития. Вот, если бы люди, наконец, поняли, что любовь к другому - для его же собственной и всеобщей пользы, то тогда и полюбили бы друг друга. Это гуманисты-утилитаристы так говорят. А я-то считал, что "любовь" за какую-то пользу - продажная любовь, да и не любовь вовсе. И неужели мы любим кого-то, или влюбляемся по уши в кого-то оттого, что вдруг понимаем, что здесь мы получим выгоды? Часто ведь к тому же любовь никакой эмпирической пользы кроме страшных страданий не приносит.

Нет. Всё здесь не то и не так. Все эти гуманистические рекомендации - сплошная каша абсурдов и демагогии.

— А всё потому, что все эти благожелатели гуманисты украли заповедь, идею любви, - да где там идею, не идею, а букву идеи, - у Христа, у Евангелия, у Церкви. Украли, и не знают, что с ней делать, как мартышка: стянула очки, да вот не знает прока в них. Просты уж больно все эти человеколюбивые философии, да простота их именно воровством попахивает.

— Для Христа и Его Церкви во всём этом нет ни самомаleastшей проблемы. Это их очки, это они знают их смысл и назначение. А вот как разрешат свою проблему человеколюбия нехристи - посмотрим, но, думаю, что результат можно угадать заранее: никак.

Это мы коснулись "спасительной" любви к ближнему. Далее речь идёт о любви к Богу, которая, судя по твоему письму, уже не столь спасительная. Ну а раз не так уж она важна, то и отложим её до более удачного случая. Шучу, конечно. Просто мне уже надо закругляться.

— В заключение хочу только написать, что критикую я не по злобе и не ради критики. Ты и сам просил, чтобы я покритиковал твоё письмо. Мне дорога истина. Как и тебе, конечно.

— Со своей стороны я всегда готов с максимальным вниманием рассмотреть критику в адрес написанного мною. Но только, - не будет это выглядеть нескромностью, - заранее предполагаю, что нет таких вопросов и проблем, нет такой критики и суда, которые поставили бы христианина в тупик или перед необходимостью отказаться от своих принципиальных убеждений.

Не знаю, обратил ли ты внимание на цитированные мною ранее слова Гегеля, что религия (имеется в виду христианство) - та сфера, где решены все загадки. Можно, конечно, считать, что великий философ здесь просто испустил бессмысленный звук. А можно и наоборот обратить на эти слова внимание, как на осмысленные. В таком случае они вызывают к исследованию.

В личном плане христианин, конечно, может о чём-то конкретно не знать или не задумываться, но в критической ситуации, т.е. перед судом критики ему и не придётся ни о чем задумываться. Ибо сказано:

— "не заботьтесь, как или что отвечать, или что говорить; ибо Святой Дух научит вас в тот час, что должно говорить" (Лк.12,11-12).

— Как любовь не вызывается произвольно, так и окончательная правда не выдумывается, не есть результат произвольных человеческих усилий. И то, и другое может лишь быть действительно дано, даровано, быть фактом положительного вдохновения.

Вне Церкви, вне абсолютной, действительной, осознанной опоры всё проваливается в бессмысленность. В Церкви всё обретает полновесный смысл. Это дарует человеку спокойствие, уверенность в мыслях, уверенность в поведении, уверенность в завтрашнем дне, понимание вчерашнего и множество иных преимуществ перед неверующими.

— В Церкви мудрость, смысл, спасение, порядок, красота, любовь, уважение к истории, знание её, провидение грядущего, в Церкви - Христос.

— Один из тысяч примеров. Только что Церковь праздновала память святых равноапостольных Мефодия и Кирилла, учителей словенских. У нас в Академии была

прекрасная всенощная и литургия. Праздник усугублялся тем, что для нашего ректора, архиеп. Кирилла, это день ангела. Не стану описывать праздника: как всегда, это было замечательно.

— Думаю вот о чём. До революции этот день был государственным национальным праздником (как сейчас в Болгарии: недавно Живков собственноручно привёз в Ватикан, к мощам св. Кирилла богатый подарок).

— И в самом деле: разве эти люди не стоят памяти? Не памяти энциклопедической и кабинетной, а памяти действительной, как в Церкви? Мы пользуемся грамотой, не задумываясь, как водой и воздухом. Но ведь эту грамоту дали нам эти святые люди.

— Вместо этого у нас в день памяти конкретных людей введён безликий День Печати. О причинах этого нетрудно догадаться. Но результат-то один: забвение, невежество и неблагодарность.

А вот одно из множества песнопений, которые Церковь пела в день памяти наших учителей:

_____ "Киими духовными песньми возвеличим вас,
_____ о преблагеннии учителяе,
_____ ради спасения людей Словенских
_____ апостольски подвизавшиися
_____ и в просвещении их светом боговедения
_____ добре потрудившиися,
_____ к немуже дверь затворенная,
_____ вами письмен словенских изобретением
_____ отверзесе нам;
_____ в нюже входяще,
_____ таинство благовестия Христова разумеваем
_____ и приемлем от Христа Бога
_____ мир и велию милость."

— А теперь вот никакими "песньми" не величают, изобретённые письмена дверь не отверзают, благовестие Христово не разумевают, а потому и мир и милость не приемлют.

Но это внешние. А Церковь и разумеает и приемлет.

— Большой, большой привет Сашуле и самые лучшие пожелания тёплого и счастливого лета.

— *Propria manuscriptum*
_____ *Jannuarius tuus.*

— Следующим посланием от о. Ианнуария была открытка от 6 июня:

Дорогой Сашок!

— Как всегда, рад был получить от тебя письмо. Напрасно ты прибедняешься и риторически сетуешь на себя. Твои вопросы и недоумения закономерны и последовательны. Это я, будучи, правда, в невыгодном положении ответчика, должен пенять на себя за невнятность своих рассуждений, что, впрочем, тоже вполне закономерно. До Троицы я не смогу выбраться тебе написать. А 11.6. на несколько дней еду в Киев. Ну а по приезде, в середине месяца соберусь с ответом. Высылаю фото моего

рукоположения в диаконы. Это было 18.03. С наилучшими пожеланиями и приветами всему твоему семейству, целую Ианнуарий.

___Но в тот же день о. Ианнуарий начал писать мне ещё и письмо, которое продолжил 7 июня:

Дорогой мой Сашок!

___В высвободившиеся минуты отвечу на один момент в твоём письме, к которому не хочу возвращаться в дальнейшем, т.к. он стоит несколько особняком от основной темы. Я хочу снять с себя возведённую тобою напраслину. Ты пишешь:

___"Я не понимаю тебя, когда ты говоришь об "этом мире" как о чём-то постороннем, для тебя даже отвратительном, не стоящем никаких забот о нём".

___Мне жаль, что ты вынес из моих писем такое впечатление, что свидетельствует, конечно, только о моём неумении излагать свои мысли. Но всё-таки, было бы недурно, если бы ты конкретно, связав с контекстом указал те строки из моих писем, которые недвусмысленно говорят обо всём этом. Уж не те ли, где я писал о том, что, пребывая в этом мире, я не могу одновременно не пребывать в нём? (так где же здесь "посторонность"? ведь это мой мир; мир, в котором я живу). Не там ли, где я пишу о том, что добро в этом мире следует возвращать всеми подходящими способами (или, - что тоже, - бороться со злом и страданием в нём всеми подходящими способами)? Так где же здесь "отсутствие забот"? (см. в конце письма). Или я какое-нибудь бесстрастное чудовище?

___Нет, здесь ты написал что-то явно не то или не так. Это надо вывернуть всё наизнанку, чтобы усмотреть, скажем, в притче о добром самарянине отсутствие забот об этом мире. Надо не знать историю, чтобы не принимать во внимание те бесчисленные дела милосердия и милости, которые практиковались в христианстве, и которых не знал мир до Христа.

___Для меня здесь нет никакой проблемы: есть в мире добро и есть зло. И то и другое я испытываю на своей шкуре и вижу своими глазами. Добро надо умножать, со злом надо бороться. Как? Вопрос практики, совести, условий. У христиан есть критерий для оценки своих поступков. В мире такого критерия нет.

___Разумеется, когда этот, насквозь антиномичный относительный мир противопоставляется Мiру как Царству Божию, в котором отсутствует зло (хотя бы по определению), то этот мир выступает именно как недолжное, то, что, следует преодолеть, как преодолевается-то не добро, а зло в этом мире. И тут слово "Мiр" в евангелиях и вообще в Церкви часто выступает синонимом зла, но ведь каждый раз из контекста ясно, о чём идёт речь. Речь именно о мире зла, а не о мире - благом творении Божиим.

___И вот далее:

"А если бы все люди поверили в Христа, они что, перестали бы добывать пищу, рожать детей, строить дома и т.д., и т.п.? Перестали бы бороться с земными страданиями - болезнями прежде всего - ведь и так счастливы были бы?"

___Да где же это видано, чтобы кто-то подобное утверждал? Уж Христос-то, наверное, Сам в Себя верил? Хоть и не рожал детей, но болел-то на кресте шибко. Как же можно, живя в этом мире не болеть и дома (ну хоть шалаши) не строить? Вот и я верю во Христа, безмерно счастлив от этого, но думаю, как бы мне в кооператив вступить: надоело в коммуналке жить. И хватит об этом. Здесь ты мне приписал не мои какие-то взгляды, взгляды несуразные, да и сам ты прекрасно это понимаешь.

—Этот мир есть этот мир, - о чём здесь рассуждать? Все мы в нём живём и хорошо его знаем. Другой вопрос: довольны ли мы этим миром? Довольны? Ну и будем в нём сидеть и не рыпаться. Не довольны? Будем искать, как бы нам стать довольными. Но здесь как раз - основная тема твоего письма, а её я сегодня касаться не хотел, т.к. пишу в спешке.

Вернёмся к "отсутствию забот". Ведь и слово "забота" может двояко истолковано быть. Заботиться о мире, заботиться о благе ближних - не к этому ли зовёт христианство? Но: "не заботьтесь, что вам есть, что пить, во что одеваться ..., не заботьтесь о завтрашнем дне".

Сколько несуразных толкований только не предлагал мир на эти слова Христа? Христианство, мол, отвлекает от борьбы со злом,... ну и всякая такая подлая чушь.

Букву вырвешь - и она омертвевает, её можно крутить так и иначе. А из живого контекста видно, что речь идёт о "заботах", которые застилают Свет перед глазами человека, превращают его из духовного свободного существа в копошащегося раба нужды, в муравья. Нельзя из "забот" делать идола.

—Вообще нелепо видеть в любых словах Христа какие-то законы и заповеди законнического характера. Он пришёл, чтобы давать не законы, а свободу. Живые слова, сказанные живым людям в живой ситуации, - их часто превращают в омертвевший фетиш. Будучи прекрасными духовными ориентирами на все времена, они же могут звучать и непристойно, будучи злоупотреблены: нельзя, предположим, говорить человеку, умирающему от голода, - не заботься о том, что тебе есть.

—7 июня 1979 г.

Вот пара тенденциозных живых картин.

Первая. Её я наблюдаю очень часто. К нам в Академию ведёт дорожка через большой сад - ближайший путь, соединяющий Невский проспект с его транспортом и заводы и институты, расположенные в этой части Обводного канала. В половине шестого вечера на этой дорожке встречается два потока людей. Один - редкий - люди, спешащие на богослужение в наш храм, на праздничную всенощную, если она попадает на будний день. В основном это бывают по таким дням старушки, опаздывающие и бегущие семинаристы, бездельники-студенты, свободные вечером, да и утром-то прогулявшие свои лекции в Университете. Другой поток - плотный - интеллигенты, окончившие свои посиделки в котлотурбинном институте, сорвавшиеся точно по звонку в 17.30 и спешащие в метро. Туда - несколько сотен, оттуда - несколько тысяч.

На этой же дорожке, поджидая столь удобного случая, обыкновенно располагаются нищие. Их немного, не то что возле какого-нибудь собора. Один - слепой, другой - без ноги, третий - так себе, на выпивку собирает. Иногда они занимают индивидуальные ключевые позиции, иногда располагаются рядышком. Время от времени к ним присоединяется какая-то больная баба (у неё всё время висят сопля и слюни), которая всегда предпочитает восседать на садовой урне-плевательнице.

Но "картина" - не в этом, а в том, что девять из десяти человек, идущих в храм, даёт им милостыню (1, 2, 10, 50 коп. - кто сколько хочет и может). И девяносто девять из ста, идущих в метро, даже не глядят в сторону попрошаек. Не то, чтобы они их не видели: они видят, но не хотят видеть, и пролетают мимо как ураган. Если они идут стайками и болтают, то болтовня при этом смущается и пресекается, но за кошелек не возьмётся никто, никогда.

— Это я не придумываю. Это я вижу по меньшей мере раз в неделю. Это видят все, и это - предмет шуток у семинаристов. Иногда нищие ведут между собою немногословную беседу, которая сводится к констатации надвигающихся событий: "вон, семинаристы идут", "ну, "жиды" повалили"...

— Вторая. Распадается на две части. Одну часть мы все часто видим: на ураганной скорости по расчищенным улицам несутся бронированные автомобили. Впереди злобно мигают огоньками и при этом подвывают сиренами машины-вестники. Ш-ш-ш-их... Ш-ш-ш-их... Ш-ш-ш-их - проносятся мимо. Это едет какой-нибудь президент или слуга народа.

— Вторая часть, - её мы не видели, но о ней слышали по радио совсем недавно. Это въезд папы в Варшаву. От аэропорта до центра города - 30-40 минут езды. Приехавший, точнее, прилетевший на самолёте Аэрофлота папа добирался по этому пути несколько часов. По традиции он ехал в белом автомобиле, на котором был установлен высокий трон. Высоко над толпой возвышается "раб рабов Божиих", благословляя падающих на колени людей (не исключая и падающих на колени солдат, которых согнали во множестве, и которые едва могут сдержать эти миллионные толпы). Папе не положено страшиться пули.

— Два мира, две картины. Я не хочу их абсолютизировать. Всё может быть и наоборот. Но эти картины всё же фактичны и обнаруживают определённую тенденцию. Это к вопросу о "заботе о мире".

— Целую, Ианнуарий.

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)